

Могилевская Галина Исаевна

"СМЕРТЬ ТРУДА": ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И РЕАЛИИ

В статье исследуется проблема трансформации представлений о труде в постмодернистской рефлексии и массовом сознании. Автор акцентирует внимание на сформулированном в философии постмодерна концепте "труд - игра", который должен прийти на смену производительному труду, что позволяет сделать вывод о "смерти труда" и замене его творческой, приносящей удовольствие деятельностью. Автор показывает, что массовое сознание в обществе потребления модифицирует представления об игровом характере труда в представления о труде без всяких усилий, что влечет за собой утрату ценностей трудовой этики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 127-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

В статье исследуется проблема трансформации представлений о труде в постмодернистской рефлексии и массовом сознании. Автор акцентирует внимание на сформулированном в философии постмодерна концепте «труд – игра», который должен прийти на смену производительному труду, что позволяет сделать вывод о «смерти труда» и замене его творческой, приносящей удовольствие деятельностью. Автор показывает, что массовое сознание в обществе потребления модифицирует представления об игровом характере труда в представления о труде без всяких усилий, что влечет за собой утрату ценностей трудовой этики.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; труд как игра и форма самовыражения; массовое сознание общества потребления; смысложизненные ценности; «уход труда» из общества; свободное время.

Галина Исаевна Могилевская, к. филос. н., доцент

Кафедра философии и истории

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

gitog@mail.ru

«СМЕРТЬ ТРУДА»: ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И РЕАЛИИ[©]

Эпоха постмодерна, радикально переосмыслившая ценности индустриального общества, заставляет обратиться к проблеме труда, чья значимость в индустриальном обществе не подвергалась никакому сомнению. Постиндустриальное общество, сформировавшись в условиях, когда производительный труд заполняет небольшой, не более 10%, сегмент современного рынка труда, где чрезвычайно высока автоматизация и компьютеризация производства, актуализирует проблему ценности труда в постсовременной культуре и требует осмысления феномена «смерти труда».

Если индустриальное общество, сформировавшееся под влиянием ценностей протестантской этики, измеряло себя по трудовой активности, то постиндустриальное оценивает себя по уровню потребления. Это приводит к утрате трудом своей приоритетной роли в системе ценностей постсовременного общества и выводит в центр культурного поля не столько трудовые успехи, сколько личностное самовыражение, находящее свое воплощение в неограниченном потреблении. Труд перестает быть смысложизненной ценностью, утрачивает роль нравственного ориентира, уступая функцию самовыражения ценностям, которые далеки от производственной деятельности. Но «чувственная культура» (П. Сорокин) не может предложить человеку иных форм самовыражения, чем потребление, ибо никаких других сформировать не может.

Утратив роль ядра культуры, потеряв экзистенциальную значимость, труд обретает смысл только как одна из форм занятости, потерявшая жизненноосоздающий смысл эпохи модернити, сосуществующая на рынке «купли – продажи» наряду со многими иными услугами. Эта ситуация характеризуется современной философией как «смерть труда» и его «уход» из общества.

Вся предшествующая философия эпохи модерна – от идеализма Гегеля и материализма Маркса, социологических работ Дюркгейма и «философии жизни» Зиммеля – трактовала труд как способ самовоспроизводства человека, вне которого не мыслилась сущность и существование человека, т.е. закрепляла за трудом те особые характеристики, которые позволяли рассматривать его как смысложизненную ценность. Современная постмодернистская рефлексия, осмысляя потребности новой эпохи, ориентирующей человека на гедонизм, потребовала, чтобы и труд соответствовал этим новым потребностям в удовольствии, получаемом через потребление.

В постсовременном обществе все больше создается тех сфер жизни, которые далеки от производительного труда, что лишает труд особой роли в культуре и замещает это место потреблением. Такому обществу не нужен человек-труженик, главный герой этого социума – потребитель, идеал которого – вечная игра. «Человек играющий» играет со всем, даже с тем, что его предшественникам представлялось сакральным и неприкосновенным. Тяжелое, неигровое, требующее больших усилий стремится уйти из культуры постмодерна. В результате этих процессов производительный труд вытесняется на периферию культурного поля, а со временем должен вообще исчезнуть, «умереть». Право на существование обретает только тот труд, который приносит удовольствие, труд как игра, в то время как труд-напряжение вытесняется из сознания, превращается в скучный, необязательный придаток человеческой жизни, который со временем смогут выполнять машины и который, естественно, не является средством самовыражения личности.

Оттесняя с культурного поля труд, постмодернистская рефлексия выводит на первый план человеческого существования такой экзистенциальный феномен, как игра, указывая на его диффузность и всеохватывающий характер. Отметая представления об игре как некоей совокупности игровых актов, постмодернизм провозглашает ее основным способом человеческого общения с возможным и недействительным. Закрепляя за игрой вневременной статус, отвергая ограниченность игры только детским возрастом, постмодернистская рефлексия утверждает, что игра сопровождает человека на протяжении всей его жизни, вне игры не осуществляются такие феномены бытия, как: смерть, труд, любовь и т.п. Если предыдущая эпоха полагала, что

в жизни взрослого человека игра является неким излишеством, то сейчас, по мере развития культуры, человек преступил ту грань, за которой игра перестает быть излишеством, от которого можно отказаться, она становится обязательным сопровождением жизни.

Постмодернистское сознание позиционирует игру как некий имманентный алгоритм всей жизнедеятельности человека, что выводит ее за пределы собственно игрового действия и вплетает в более широкий смысловой контекст жизни. И если Э. Финк, сравнивая игру и труд, указывал на то, что игра, в отличие от труда, сама по себе дает удовлетворение человеку [8, с. 365-366], то постмодернизм ставит проблему по-иному: все, что не может быть превращено в игру, все, что не приносит удовольствия, должно быть вытеснено на периферию культурного поля. Нельзя сказать, чтобы мысли о труде, приносящем удовольствие, не звучали ранее, так К. Маркс связывал коммунистическое общество с господством творческого труда, несущего ценность в себе самом [3, с. 279]. Но для К. Маркса труд выступал первой жизненной потребностью человека, следовательно, именно труд оттеснял на периферию культуры все иные занятия человека, ибо он и был способом самовыражения личности, да и творческий труд не представлялся легким, он был игрой духовных и физических сил человека, а не просто развлечением и игрой.

Постмодернизм не склонен противопоставлять игру и труд, ибо труд не является теперь способом личного самовыражения, следовательно, его существование можно признавать только постольку, поскольку он способен соответствовать игровому настрою общества. Открестившись от рационализма, прагматизма и планирования модерна, постсовременное общество культивирует представление о труде-игре, труде, не связанном с усилиями, труде, в котором доминирует удовольствие. Так, Г. Маркузе, указывая на технологические возможности постиндустриального общества, отмечал, что человек сбрасывает с себя зависимость от материального производства и вводит в свою деятельность игровое начало. Труд перестает быть тяжелым способом добывания средств для пропитания, а становится деятельностью, построенной по «принципу удовольствия». Маркузе полагает, что истинно человеческое в труде начинает проявляться только тогда, когда труд становится формой развлечения, увлекающего человека полетом фантазии и игрового начала, когда труд становится формой развития человеческой индивидуальности. Проявляющееся игровое начало превращает труд в творческий процесс, хотя и требующий усилий, но не более, чем любая игра. «Понятие “прогресса” вовсе не нейтрально, оно преследует специфические цели, определяемые возможностями улучшения условий человеческого существования. Развитое индустриальное общество приближается к такой стадии, когда... автоматизация производства (включая необходимые услуги) сделает возможным удовлетворение первостепенных потребностей и одновременное превращение времени, затрачиваемого на работу, в маргинальное время жизни... За счет этого технология стала бы субъектом свободной игры способностей... Такое состояние предвосхищено понятием К. Маркса “упразднение труда”, – писал Г. Маркузе в работе “Одномерный человек”» [4, с. 21-22].

Самовыражение через потребление стремится вытеснить ценность труда из той иерархии ценностей, которая определяет характер общественной жизни модерна. Теоретически общество потребления не может требовать от человека тяжелого напряженного труда, так как это противоречит самим принципам данного общества, стремящегося к гедонизму и сделавшего игру своей эмблемой. Отринув труд в качестве формы личного самовыражения, постмодернистское сознание попыталось заменить его игрой, что в конечном счете привело к представлению о легком, не требующем напряжения труде. Заявка постмодернизма на отказ от оппозиции «досуг – труд», которая пронизывает всю жизнь модерна, весьма характерна для постмодернистского сознания, желающего отказаться от противопоставления «центр – периферия» и «господство – подчинение» («делу – время, потехе – час»). Разрушая антиномии, деконструктивная работа постмодернистской рефлексии приводит к устранению центральной роли труда в обществе, превращению его в периферийную сущность. Если труд производит товары, то в игре производятся знаки, а потому трудно отказаться в предпочтении игры над трудом, ведь игра и воплощает человеческую сущность, ибо эволюция человека – это наращивание знаков и символов, или, по меткому выражению Э. Кассирера, «человек – животное, создающее символы» [2, с. 442]. Постмодернизм усиленно стремится показать, как животное, созидающее символы, обогащает труд игрой, вне которой невозможно никакое творчество, как игра будит воображение, что делает труд интересным и духовно-насыщенным.

Такая игра с антиномиями не является бессмысленной «игрой в бисер», свободное обращение со считавшимися ранее жесткими последовательностями отразило новое состояние общества, где не производство определяет потребление, а потребление задает параметры производству. Так, Ж. Бодрийяр, «поиграв» жесткой бинарностью «производство – потребление», поменяв их местами, высветил особенность постсовременного общества, где производительный труд перестает быть той базой, на которой надстраивается вся система смысложизненных ценностей [1, с. 52-71].

Ведь мировая экономика постсовременного общества нацелена не столько на производство товаров и услуг, сколько на производство знаков. Указывая на информацию как главный ресурс общества, мы закрепляем за экономикой статус производящей знаки, что уравнивает игру и труд. Рынок наполняется товарами, в которых большая часть стоимости приходится именно на знаки, а не материальную составляющую. Фирменная марка, лейбл, перетягивает стоимость ресурсов, затраченных на производство данного товара, не говоря уж о затратах на рекламу, внушение о престижности обладания, самоуважении и прочем шлейфе, который тянет за собой данный продукт. Знаковая (игровая) сторона явно преобладает в современном товаре, оставляя за бортом его себестоимость, которая часто не идет ни в какое сравнение с денежным выражением

его символической составляющей. Доля производительного труда в современных товарах несравнимо мала относительно усилий по созданию симулякров, удорожающих продаваемые вещи.

Таким образом, мы можем сказать, что в современном мире важным становится не означаемое, а знаки, которые теряют свой смысл, постоянно воспроизводя новые знаки, доводя этот процесс до бесконечности. Новые аспекты трансформации труда высвечиваются в процессе виртуализации постмодернистского общества. Виртуализируясь, современный мир превращается в форму организации, где знаки воспроизводят самое себя, теряя при этом смысл, создавая множество копий при отсутствии оригинала. Знаки живут собственной жизнью, обслуживая современную систему потребления, превратившую в объект потребления абсолютно все: вещи, досуг, религию, искусство, образование. Мир, в котором означаемое исчезает из «реальности», где действуют только означающие, формирует некую гиперреальность, состоящую из множества моделей и симулякров, что лишает нас возможности выявить роль производительного труда в обществе и знаменует его «уход».

Труд утрачивает свое значение в обществе, которое чувствует себя обеспеченным материальными благами, где нет их дефицита, что лишает труд его основополагающей значимости. На арену выступают постматериальные ценности, что заставляет исследователей говорить о «смерти труда» или «конце труда».

Реалии современности все в большей степени обращают нас к проблеме трансформации труда, который предстает перед нами в совершенно новом для модернистского сознания виде. Так, постиндустриальное общество практикует все более разнообразные формы занятости, которые не привязывают человека ни к определенному месту работы, ни к определенному работодателю, ни даже к определенному времени труда. Разрушается строгая иерархия предприятия эпохи модерна, исчезает представление о преданности фирме, в результате чего наемный работник оттесняется поставщиком услуг, который опирается в своих решениях не на единую стратегию предприятия, а на собственное видение рыночных рисков. Постепенно исчезает фигура главного организатора производства, хозяина, так как работник может обслуживать несколько фирм или работать только в рамках определенного проекта, по окончании которого фирма вообще перестает существовать. Пестрота мира труда постоянно пополняется новыми видами организации своего рабочего места и времени, достаточно указать на неполную занятость работника, возможность для нескольких людей занимать одно рабочее место или работать вообще при отсутствии такового, работа по временному контракту или одновременная работа в нескольких фирмах и пр. [5, с. 41-42].

Постсовременное общество предоставляет возможность человеку структурировать свое трудовое время, отводя для него наиболее удобные часы. Фриланс постепенно входит в жизнь современного человека, позволяя ему трудиться, не выходя из дома. То, о чем говорил Э. Тоффлер в своей работе «Третья волна», все в большей степени превращается в образ жизни, аналогичный доиндустриальному обществу, где трудовая деятельность человека осуществляется в границах дома, не требуя выезда в офис или на производство [7, с. 321-341]. Тоффлер указывает на множество положительных сторон фриланса как для человека, так и для общества в целом. Но хотелось бы обратить внимание на последствия, которые не отмечает автор «Третьей волны», к ним относится то, что рабочее и досуговое время не разделены, они могут сменять друг друга произвольно. А могут и просто подменять друг друга, все в большей степени реализуя упование постмодернизма на воплощение игровых элементов в труде.

Было бы несправедливым не указать на то, как массовое сознание интерпретирует представление об игровом характере труда, потерявшем тот особый смысл, придававшийся ему в эпоху модернити. Массовому сознанию трудно не задаваться вопросом о том, что если труд не носит творческого характера, если из него исключены игровые начала, если он воспринимается как тяжелая повседневная повинность, которую хочется сбросить и навсегда избавиться от ее необходимости, то для чего же тогда человеку трудиться? Лишенный всякого сакрального смысла и не обретший своего творческого характера, труд обретает в таком случае свое значение только за пределами самого себя, то есть работать нужно для заработка, который затем должен быть потрачен для собственного удовольствия. Но что может предложить общество в условиях глобализации человеку как высший смысл труда? Только потребление и развлечения. Но такие цели не предполагают труда, требующего больших усилий, созидающего потребность создавать то, что нужно долго возвращать, отстаивать в борении, пестовать как долговременный результат. Потому в массовом сознании представления о легком труде-игре обращены к архаическим взглядам на деятельность. Игровые начала труда воспринимаются не как игра творческих сил, а как удача, везение, фарт. Массовое сознание сориентировано в условиях общества потребления не столько на труд, каким бы он ни был, сколько на получение удовольствия через потребление. Труд перестал рассматриваться как источник праведного богатства, ибо сколько же нужно трудиться, чтобы разбогатеть. Значит, теряется мотивация к упорному и добросовестному труду, которую так последовательно выстраивал протестантизм.

Постмодернистская эмблема труда как игры творческих потенций человека трансформировалась в массовом сознании в представление о труде без особых интеллектуальных и физических затрат, что и становится мечтой современного человека.

Как бы ни называли представители постмодернистской мысли современную ситуацию, сложившуюся вокруг представлений о труде, – «уходом труда из общества», «смертью труда» или «деградацией труда», творческий труд так и остался достоянием элит. Этот труд не стал легким или не требующим серьезной подготовки, ведь это труд в сфере информационных технологий. Для всего остального общества труд так и остался тяжким уделом, от которого хотелось бы избавиться.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: КДУ, 2011. 388 с.
2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 6. 446 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
5. Сидорина Т. Ю. Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3. С. 32-43.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 450 с.
7. Тоффлер О. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 776 с.
8. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // *Проблема человека в западной философии*. М.: Прогресс, 1988. С. 357-402.
9. Шевчук А. В. О будущем труда и будущем без труда // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3. С. 44-56.

“DEATH OF LABOUR”: POSTMODERN REFLECTION AND REALIAS

Galina Isaevna Mogilevskaya, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and History
Southern-Russian State University of Economics and Service
gimog@mail.ru

The author studies the problem of labour ideas transformation in postmodern reflection and mass consciousness, pays special attention to the conception “work – game” which is stated in postmodern philosophy and should replace productive labour that allows to conclude “death of labour” and its replacement with creative, enjoyable activity; and shows that mass consciousness in consumer society modifies the idea of labour playing character into the idea of labour without any effort, which entails the loss of work ethic values.

Key words and phrases: postmodernism; labour as game and form of self-expression; consumer society’s mass consciousness; vitally meaningful values; “labour withdrawal” from society; spare time.

УДК 392.51

В статье прослежены изменения традиционной свадьбы удмуртов с XIX в. до наших дней. На основании анализа архивных и опубликованных источников выявляются различия в структуре и терминологии традиционного и современного свадебных ритуалов, исследуются основные причины трансформаций.

Ключевые слова и фразы: удмурты; свадебный обряд; терминология; традиции; инновации; трансформации.

Татьяна Васильевна Окунева

Отдел филологических исследований
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральское отделение Российской академии наук
oktan85@mail.ru

УДМУРТСКАЯ СВАДЬБА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ[©]

Одной из наиболее ярких составляющих этнической культуры народа является свадебный ритуал, направленный на закрепление союза между родами и обеспечение будущей счастливой жизни супругов. Несмотря на то, что свадебная обрядность отличается высокой степенью сохранности многих традиционных элементов и остаётся значимой частью жизни современных удмуртов, тем не менее и она находится под влиянием закономерного процесса трансформации.

Задача настоящей работы – рассмотреть и описать основные изменения в свадебной обрядности удмуртов с XIX в. до современности, выявить их причины.

Первые сведения о свадьбе удмуртов были зафиксированы в трудах Д. Островского [7], Б. Г. Гаврилова [3], Г. Н. Потанина [9], Н. Г. Первухина [8], С. Багина [1], М. М. Хомякова [10].

Интерес этнографов к изучению свадебного обряда не ослабевал и в XX в. Работы Л. С. Христолюбовой являются первым опытом систематизации этнографических знаний, накопленных за все время исследования. В книге «Семейные обряды удмуртов (традиции и процессы обновления)» [11] впервые анализируется традиционный свадебный обряд, рассматриваются его современные формы бытования, анализируются материалы социологического опроса знаний о традиционной свадьбе.

Неотъемлемой частью любых обрядов является их фольклорная или текстовая составляющая. Поэтому для нас в качестве источника важны песенные сборники, большей частью публиковавшие песни по тематическим циклам, не акцентирующие внимания на обрядовых и внеобрядовых песнях [4; 6].